

«НАРОД РОССИЙСКИЙ» И «ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА». РАЗВИТИЕ НОВЫХ КОНЦЕПТОВ В ОФИЦИАЛЬНОМ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XVII – XVIII ВЕКЕ

Д. Ю. Степанов

Федеральная национально-культурная автономия «Украинцы России»

Поступила в редакцию 21 ноября 2024 г.

Аннотация: статья посвящена использованию терминов «российский народ», «отечество», титула «Отец Отечества» в период правления Петра Великого (1689–1725). В 1721 г. Петр принял титул императора Всероссийского. Этот новый для России титул был связан по смыслу с понятиями, несущими протонациональное содержание.

Ключевые слова: российский народ, Петр Великий, Отчество, протонациональное.

Abstract: this article is devoted to the using of the terms «Russian people», «fatherland», the title «Father of the Fatherland» during the reign of Peter the Great (1689–1725). In 1721, Peter took the title of Emperor of All Russia. This title, new for Russia, was associated with concepts that carry a proto-national content in meaning.

Key words: Russian people, Peter the Great, Fatherland, proto-national.

«Народ» как термин весьма полезен политическим элитам. От лица этого, казалось бы, самоорганизованного коллектива людей публичная власть реализует свои полномочия на основе «великой фикции» – принципе народного суверенитета, так или иначе прописанном в конституциях большинства стран мира. Этот большой коллектив, «воображаемое сообщество», с позиции тех, кто его представляет, наделено рядом перманентных признаков – общим происхождением (это может быть этногенетическая легенда или легенда о предке-эпониме либо же научно-образная теория), языком (особенно на более поздних этапах формирования представления), территорией, в том числе и экзо-территорией, находящейся под контролем чужой, не «природной» власти (например, так рассматривался с позиции московских князей и царей Киев в XVI в.), элементами культуры, в первую очередь религии. «Народ» в глазах его элиты отличается в том числе «национальным характером». Его положительными чертами могут быть стремление к обучению и развитию, трудолюбие, смелость и храбрость. В этом отношении важным становится вопрос «престижности», что думают и знают о данном народе его соседи и жители более дальних стран.

Как отметил В. А. Ачкасов, понятие «народ», используемое в дискурсе элит, как правило, является «пустым означающим», смысл которого выясняется и актуализируется в самом акте называния и противопоставления его «не народу». Другими словами, «народ» возникает в процессе конструирования эли-

тами народной идентичности, которая оспаривается принципом самоопределяемости [1, с. 65]. Относительно последнего Айвор Дженнингс писал: «На первый взгляд она кажется разумной: пусть народ решает. На самом деле она смешна, потому что народ не может решать, пока кто-то не решит, кто является народом» [2, р. 96].

Философ XVII в. С. Пуфendorf, несмотря на свою явную приверженность монархии, неустанно подчеркивает, что высшая власть всегда принадлежит именно народу. Народ передает ее королю или иному правителю, но это не отменяет того, что именно король существует и устанавливается для блага народа, а не народ для блага короля. Умереть народ может, но, как и совокупность, о которой говорилось выше, лишь материально, т. е. говорить о смерти народа становится возможным лишь тогда, когда умирает значительная часть составляющих его людей, а оставшиеся разбегаются и не желают жить вместе.

Однако никакого «народа» как понятия, обладающего признаками теми, которые мы уже обозначили в книжности и документации Московской Руси, мы не находим. Американский историк Пол Бушкович обнаружил, что в московской документации и книжности в середине – третьей четверти XVII в. мы наблюдаем исключительно династический и религиозный критерии идентичности представителей московской элиты. Даже в решении Земского собора 1653 г., провозгласившем присоединение к России украинских земель, об этническом, родовом единстве двух народов не говорится ни слова. Русские войска должны были сражаться за «государеву честь» и «благочестивую православную веру». Бушкович за-

метил, что единственное этнические «ноты» в официальных московских документах и литературе можно встретить только благодаря влиянию выходцев из православных земель Речи Посполитой, в первую очередь Симеона Погоцкого [3, с. 114]. От себя добавим, что большое значение здесь также играл «Синопсис Киево-Печерский», впервые изданный в 1674 г. [4, с. 79–95].

В 1717 г. большим для того времени тиражом вышло «Рассуждение» вице-канцлера Петра Шафирова относительно «законных причин» к началу Северной войны. Заказчиком этого пространного сочинения стал сам царь. Текст отражал не только работу автора с архивами и разного рода историческими источниками, показывая пример исторического сознания, лишенного распространенных к тому времени искажений и мифов, но и авторские познания в области политической мысли того времени.

Характерно, что в этом эклектичном документе главным субъектом действия в историческом прошлом и настоящем становится «российский народ». Стремлением к его благу, безопасности и развитию обосновывались действия властей и самого императора. Это, как может показаться, перекликается с мнением А. В. Марея, согласно которому для европейской культуры *народ*¹ [5; 6] – это один из смыслобразующих концептов. Без него оказывается невозможным осмысление ни древнеримской, ни средневековой, ни модерной политической культуры [7, с. 34]. Именно народ, не династия или даже государство (что в средневековой традиции, в общем, близкородственные понятия) становится действующим субъектом исторической реальности.

В «Рассуждении...» Шафирова нередко можно встретить понятие «политичный народ» (например: «...и Его Царского Величества собственной высокой особе, и всего Российского народа, чести и славе... против всех христианских и политичных народов обычаю выдаванных...» [5]; «Что с стороны царско-

го величества во время сея войны со всякою умеренностию христианским милосердием и он по обычаю всех политичных христианских народов...» [там же, с. 6]). Однако сам Шафиров дает ниже пояснение, что «политичный» – значит «обученный», цивилизованный. Именно образование вице-канцлер ставит в едва ли не основную заслугу Петру I. С горечью он отметил, что уничижительный пафос, с которым в то время в Европе писали о русских, сравним с тем, как писали о «диких» персах и турках: «о российском народе и государстве тако в других европейских государствах рассуждали и писали как о индийских государствах и персидских и других народех, которые с Европою, кроме некоторого купечества, никакого сообщения не имеют...», народ Российской «в число Европейских народов мало причитали. Тако ныне никакое дело ниже во отдаленных краях Европейских не чинится, к которому или о Его Царского Величества приязни и союзе не старались...» [там же].

Напротив, обучение превозносится Шафировым как благодетель, сделавшая российский народ известным среди прочих «христианских политичных народов»: «...хотя прежде всего кроме Российского языка книг читания и писма никто из Российского народа не умел и боле в зазор нежели за искусство почитано, но ныне видим и самого Его Величество немецким языком глаголющаго и несколько тысящеи подданных его российского народа мужеска и женска полу искусствых разных европейских языков...» [там же]. Понятно, что не одним образованием «слава» о «народе Российской» распространилась среди других стран. И где прежде сего токмо о имени Российского народа без всякого известия слышали, там ныне оружием его ваны победоносные и венцы победы одержаны ко устрашению неприятелеи, а ко обороне приятелеи и союзников....» [там же].

У Шафирова термин «народ» все-таки имеет несколько этническое содержание, как, например, в сочинениях Иннокентия Гизеля или А. И. Манкиева. Народ для Шафирова – это большое сообщество людей, объединенных не только происхождением, языком («славяно-российским», как называл его автор) и религией, но и определенным набором политических интенций и прав. Так, например, российский народ присягал новому кандидату на престол или, наоборот, изгонял его, как это было в Смуту. Его интересами, как и интересами «отечества» – другой важной категории – оправдывались действия власть предержащих. В более ранних московских источниках термин «народ» носил совершенно другое значение, исключавшее, в общем, политическую и этно-культурную составляющую (народ как род (например, род водоплавающих птиц); народ как собрание, сбирающее; люди; народ как толпа, множество и т. д.) [8, с. 320].

¹ Изменение употребления слова «народ» особенно заметно при сравнении той части «Рассуждения», в которой Шафиров касается Смуты с размышлениями на эту тему авторов различных сочинений, современников событий. Так, например, для произведения Шафирова характерны обороты вроде: «О чём увидав народ Российской и немогши терпеть более розорения грабежей и гладу от войны и внутренних возмущени им нанесенных к тому склонился...» [5, с. 13–14]. В то же время в сочинениях дьяка Ивана Тимофеева, Авраамия Палицына, патриарха Иова отсутствует не только понятие «народ российский», но и «русский народ» (используется слово «люди»). Если у Шафирова народ определяется через различные качества – храбрость, мужество, способность учиться, труд, верность, то у московских авторов, писавших за столетие до этого, единственным ощутимым признаком «народа» могла быть только религия. Поэтому поляки часто определялись как «римляне» или «латиняне», а шведы – как эллины [6, с. 89–100].

22 октября (2 ноября) 1721 г. Петру от Сената и Синода был подан «Акт поднесения государю титула Императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества». Этот документ, имевший форму прошения на старорусский манер (Петр «картино» отказывался от предложения три раза), преподнесли Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Оба вице-президента поднесли царю прошение «от имени всего народа российского»: «в такую славу у всего света через единое токмо свое рукождение привел, как то всем довольно известно именем всего народа Российского просит, дабы изволил принять по примеру других от них титло» [9, с. 444]. Характерно, что несмотря на время от времени упоминаемую в источниках разницу между «лучшими» представителями народа и прочими, в «Акте», опять-таки на манер приговоров Земских соборов, канцлер Головкин начинал свою речь так: «Дерзаем мы учрежденный Вашего Величества Сенат именем всего Всероссийского Государства подданных вашего величества всех чинов народа...».

Несмотря на то что у известного проповедника, приближенного Петра I, Феофана Прокоповича, мы встречаем один раз выражение «славенороссийский народ» [там же, с. 445], этот термин в этнополитическом дискурсе первой трети XVIII в. и позднее не встречается. Исключение составляет неоднократно переиздававшийся «Синопсис Киевопечерский». Сочинение Иннокентия Гизеля фактически уравнивало понятия «славянский» и «российский», что для авторов петровского времени было уже не совсем понятно [10, с. 437].

Явным новшеством начала XVIII в. является широкое употребление этнонима «россияне» как синонима «русского народа» в целом, так и локального скопления русских людей (солдат, мастеровых, даже крестьян). В это время «россияне» полностью вытесняют использовавшихся в XVII в. в книжности «русских людей» или просто «христиан». Мы даже можем встретить случаи прямой взаимозаменяемости «россиян» и просто «русских». «...от которой как саксонцев так и русских немалое число побито... а кавалерия саксонская бегучи на зад посетила российский обоз и оный разграбила; россияне такожь многие побиты...», – говорится в «Поденной записке...» Петра I [11, с. 122–123].

Термин «отечество» широко употреблялся в петровскую эпоху, что очень хорошо заметно по документам. «Отечество» вошло в политический и этнонациональный дискурсы в начале XVIII в. Критикуя действия Семибоярщины в Смутное время, историк А. И. Манкиев в своем «Ядре истории Российской» (около 1715 г.) писал: «Некоторые из Московского Сигилита, первейших людей четыре человека, добровольно Полякам, а своему отечеству разорение

привлекая...» [там же, с. 278]. Причем термин «Отечество» в данном случае является анахронизмом – в первой четверти XVII в. писателям – современникам Смутного времени оно незнакомо². В защите русской земли, равно как и в ее предательстве, преобладают исключительно религиозные мотивы.

Вероятно, этот термин вошел в широкое употребление среди разного рода московских документов из польской политической культуры через малороссийское посредничество [12, с. 240]. Польское «ojczyzna» перешло в казацкое «отчизна», так часто фигурировавшее в различных посланиях представителей казацкой старшины в Москву или польскому королю (в которых «отчизной» нередко называлась Речь Посполитая). А вот у представителей киевского духовенства в этот термин польское содержание никогда не вкладывалось. В Москве «отчизна» могла трансформироваться в более понятное «отечество» и активно использовалось уже в петровское время, как более подходящее для политического дискурса. Самый ранний толковый словарь русского языка, Академический, дает самую простую дефиницию: «государство, область, место рождения», но при этом упоминает фразеологизмы «любовь к отечеству» и «защищать мужественно отечество» [там же]. Словарь Даля дополнительно поясняет: отечество – «земля народа, к кому кто принадлежит». Хронологически эти словари никак не коррелируются с исследуемым периодом, однако здесь смысловая нагрузка, в общем, могла не сильно измениться, учитывая, что за последующие 200 лет этого не произошло. В этих двух ипостасях – чисто материальном, т. е. «земля народа, земля предков», и трансцендентном, т. е. как некая ценность, за которую следует мужественно сражаться, термин «отечество», видимо, используется теми, в чьем обиходе оно находится в петровскую эпоху. Понять его суть, необходимость прославлять – так же признак «политичного» народа. Феофан Прокопович в своем «Слове похвальном о баталии Полтавской» писал: «...человек о славе отечества своего нерадящий всегда у мужей мудрых в не дорогой цене ходит как малодушный и грубый» [13, с. 49].

Петру I часто предписывается фраза, якобы проинсепированная под Полтавой перед солдатами: «И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой (по другой версии – за «народ всероссийский»), за Отечество, за православную нашу веру и церковь». Эта фраза известна нам в нескольких вариантах в сочинениях различных авторов от Феофана Прокоповича

² Несмотря на то что само слово «отечество» («отъчество») в значении «земля отцов» известно по русским летописным источникам еще в XI–XIV вв., в XVII в. упоминание об «отечестве» в его значении, близком к европейскому, в наших источниках практически не встречается [8, с. 833].

и историков XVIII–XIX вв. И. И. Голикова и Д. П. Бутурлина [14, с. 67–97]. Самый ранний вариант этой речи, однако, принадлежит Иоанну Максимовичу, видному представителю высшего духовенства, в то время епископу черниговскому. В своем «Царском пути креста Господня» он передал петровские слова солдатам так: «Азъ на раны гѣтвъ за Отечество и церковь святую вѣру Православную...» [15, с. 18]. Свидетельство Максимовича претендует на большую аутентичность не только по хронологии, но и по географии – Петр посетил его в Чернигове накануне сражения [16]. Впоследствии этот факт лег в основу сюжета о благословении царя Петра епископом Иоанном. Несмотря на связи Максимовичей с опальным гетманом Иваном Мазепой³ Петр явно благоволил к Иоанну, с которым, видимо, был знаком еще с 90-х гг. XVII в.

В любом случае в словах Петра, приведенных Иоанном Максимовичем, царь увлекал солдат за «отчество», за которое можно пострадать физически. Кстати, по мнению известного историка церкви К. В. Харламповича, именно с этого времени и, по-видимому, с подачи малороссийского духовенства появилась традиция называть Петра I «Отцом Отечества» [18, с. 462]. Это подтверждается источниками. В своем произведении «Синаксарь», посвященном Полтавской битве, Иоанн Максимович пишет: «Отечества Российского Отца, Малой России свободителя...» [19, с. 5]. В своем произведении «Размышление о молитве Отче Наш» тогда еще черниговский архиепископ указывал благодарить Бога за победу в Полтавской битве, в которой «Бог в Троице славимый, Российское Отечество от поглощения еретического льва швецкаго» спас» [20, с. 59]. В черниговской летописи по поводу смерти Петра I сказано: «Отца Отечества, непобедимого христианского монарха, благочестивыя веры христианской расширителя, столпа церкви российской» [21, с. 91].

Уже упомянутый «Акт о поднесении...» 1721 г. предлагал Петру почетный титул «Отец Отечества». В самом документе мы находим отсылку к античности: «Имя же Отца Отечествия мы, хотя и недо-

стоин такого Великого Отца, но по милости Божией нам дарованного, дерзаем вам приложить по прикладу древних греческих и римских Сигиллов, которые своим, славными делами и милостию прославившимися монархам оное прилагали» [9, с. 445]. Сам по себе этот статус сочетался с древнеримским по происхождению титулом «император», для которого использовалась «Грамота Максимилиана I» великому князю Василию III, в которой московский правитель назывался «цесарем» (нем. «Kaiser»). Грамота была издана в 1718 г. [22]. Петр с 1695 г. периодически называл себя императором [23, с. 118–119], а в разных политических или исторических произведениях, как, например, та же записка Шафирова, Россия называется «империей» или «империо». Аллюзия на античность в целом и Рим в частности видится в символике, близкой Петру I. Так, например, Б. А. Успенский считает, что во введении ордена Андрея Первозванного в 1699 г. после Великого посольства читается попытка найти небесного покровителя для России по аналогии с апостолом Петром – первым римским епископом, любимым учеником Христа⁴. В этом Успенский видел отголоски идеи «Москва – третий Рим» или, точнее, «Петербург – новый Рим» [24, с. 131]. Царь через своего посланника Савву Владиславича-Рагузского при содействии папы Климента XII приобрел для летнего сада ряд античных статуй, в том числе знаменитую Венеру Таврическую. Ну и само по себе принятие титула императора, «как обыкновенно от римского сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуатах для памяти в вечные роды подписываны», как бы завершало эту аллюзию на римскую государственность⁵. Феодосий Яновский и Феофан Прокопович, принесшие Петру известие о новом титуле, провозгласили: «Виват, Виват, Виват, Петр Великий, Отец Отечествия, Император Всероссийский!» [9, с. 445] По мнению Б. А. Успенского, сама фраза представляет собой не что иное, как аккламацию, имеющую «перформативный смысл», этой фразой Петр провозглашался императором, подобно тому, как в Древнем Риме аккламация делала императором победоносного полководца [25, с. 215–216]. Преподнесения нового титула представителями высшего духовенства да еще и от лица Сената – все это было явной отсылкой к истории Древнего Рима.

⁴ На концах андреевского креста на Ордене нанесены литеры SAPR – «Sanctus Andreus Patronus Russiae» – «Святой Андрей – покровитель России». Несмотря на то что по церковной традиции Петра считают «любимым учеником» Иисуса Христа, апостол Андрей – первый апостол, призванный Христом.

⁵ Титул «Отец Отечества» (Pater Patriae) в римское время официально присуждался сенатом многим императорам от Октавиана Августа до Константина Великого.

Однако аллюзия на античность не была единственным источником использования титула «Отец Отечества». Он, конечно, был широко употребляем в европейской книжности XVII в., упоминался, в частности, у известного в русском переводе труда С. Пуфendorfa «Введение в историю европейскую»: «Король народу *тако любими*, яко *Отец Отечества* обще именован был» (Rex populousque adeocharus fuit, ut *Pater Patriae vulgo appellaretur*) [26, с. 214].

Как было показано выше, выражение «отец отечества» стало упоминаться раньше перевода Пуфendorфа на русский язык (1717 г.) и провозглашения Ништадтского мира. Шафиров в уже упомянутом документе также, едва ли не впервые в нашей литературе, использует термин «патриот», которому также дает определение «патриот – Отечества сын», причем в оппозиции с другим важным для нас термином «того ради побужден некоторой верный патриот (Отечества сын) из *российского народа...* Царское величество, яко христианский монарх и истинный *отец отечествия...*» [5, с. 6]. Слово «патриот» все чаще употребляется только с петровского времени, однако в приблизительном значении («сыны отечества») встречается и ранее. В первой четверти XVIII в. вместо слова «патриоты» чаще использовалось выражение «российские сыны». Близкое к этому «сыны русские (российские)» можно встретить в большом количестве в «Синопсисе Киевопечерском», особенно в пересказе «Сказания о Мамаевом побоище», вошедшем в произведение Иннокентия Гизеля [12, с. 152].

«Отечество» – категория, объединяющая народ и императора. Одни – представители российского народа, «сыны» отечества, другой – его «отец», император. Эта схема, так или иначе, прорисована во многих официальных документах и напрямую, например, выражена в проповеди, посвященной годовщине смерти Петра I. Обер-иеромонах флота Гавриил Бужинский писал: «Вси бо лишихомся отца, *Российстии сынове, сама же Россия, отчество наше, отца Петра Великого при сем, глаголю неблагополучии*» [27, с. 579]. «Отечество» уже при Петре I становится важнейшей этнополитической категорией, объединяющей Российский «политичный» народ с самодержавной властью. Эти категории, равно как и принятие царем императорского титула, имели глубокие исторические и этнокультурные смыслы [10, с. 437]. В письменном наследии петровской эпохи можно увидеть отдельные фрагменты системы представлений о России, Российском народе, русских, россиянах, наконец, об отечестве, что в целом вписывается в протонациональный конструкт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В. А. Понятие «народ» в политическом дискурсе элит / В. А. Ачкасов // Власть и элиты. – 2020. – Т. 7, № 2.
2. Jennings I. W. The Approach to Self-Government / I. W. Jennings. – New York : Cambridge University Press, 1956.
3. Бушкович Пол. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. / Пол Бушкович // Ab Imperio. – 2003. – № 3.
4. Степанов Д. Ю. Этногенетический миф в формировании этнических представлений московской элиты в последней четверти XVII в. / Д. Ю. Степанов // Русский сборник : в XXXII т. – М., 2013. – Т. XIV.
5. Шафиров П. П. Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского, в 1700 году имел... / П. П. Шафиров. – М., 1717.
6. Степанов Д. Ю. Особенности формирования идентичности в восточнославянских обществах в конце Средних веков – Раннего Нового времени (по материалам московской книжности конца XVI – первой трети XVII вв. и Баркулабовской летописи) / Д. Ю. Степанов // Славянский мир в третьем тысячелетии : в 19 т. – М., 2017. – Т. 12.
7. Марей А. В. «Народ» в политической мысли европейского модерна : Гоббс, Спиноза, Пуфendorf / А. В. Марей // Слово.ру : балтийский акцент. – 2020. – Т. 11, № 3.
8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб., 1902. – Т. 2.
9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года : в 45 т. – Т. VI, № 3840. – СПб., 1830.
10. Стефанович П. С. «Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII – первой половины XVIII в. / П. С. Стефанович // Slovène. – 2019. – Vol. 9, № 2.
11. Манкиев А. И. Ядро истории Российской / А. И. Манкиев. – СПб., 1777.
12. Степанов Д. Ю. Русь, Малая Русь Украина. Этническое и конфессиональное в сознании населения украинских земель в середине – второй половине XVII в. / Д. Ю. Степанов. – СПб., 2020.
13. Феофан (Прокопович). Сочинения / Феофан (Прокопович). – М., 1961.
14. Анисимов Е. В. Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников) / Е. В. Анисимов // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. – СПб., 2018.
15. Иоанн (Максимович). Царский путь хреста Господня / Иоанн (Максимович). – Чернигов, 1709.
16. Шильникова Т. В. Идеализация Иоанна Максимовича в православной традиции XIX–XX вв. /

- Т. В. Шильникова. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22769/1/iurg-2008-59-18.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
17. Скосырев Н. Очерк жития митрополита тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича. 1651–1715 гг. / Н. Скосырев. – М., 1892.
18. Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К. В. Харлампович. – Казань, 1914. – Т. I.
19. Иоанн (Максимович). Сунаꙗръвъ честь и славу Господа Бога Саваоѳа / Иоанн (Максимович). – Чернигов, 1710.
20. Серафим (Шлыков). Святитель Иоанн Тобольский и его богословское наследие / Серафим (Шлыков). – Загорск, 1985.
21. Черниговская летопись по новому списку // Киевская старина. – Киев, 1890. – № 4.
22. Грамота Максимилиана, императора священной Римской империи. – СПб., 1718.
23. Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века / О. Г. Агеева. – СПб., 1999.
24. Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – М., 1996.
25. Успенский Б. А. Петр I и переосмысление понятия империи / Б. А. Успенский // Факты и знаки : исследования по семиотике истории. Вып. 3. – М. ; СПб., 2014.
26. Пуфендорф С. Введение Гистории Европейской / С. Пуфендорф. – СПб., 1718.
27. Гавриил (Бужинский). Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727) / Гавриил (Бужинский). – Юрьев, 1901.

Федеральная национально-культурная автономия «Украинцы России»
Степанов Д. Ю., кандидат исторических наук, заместитель председателя по науке
E-mail: stepanovdmitrij@mail.ru

Federal National-Cultural Autonomy «Ukrainians of Russia»
Stepanov D. Yu., Candidate of Historical Sciences,
Deputy Chairman
E-mail: stepanovdmitrij@mail.ru